

«ПОМЯНИТЕ ЕЕ ДОБРЫМ СЛОВОМ...»

Ирина СТРЕЛКОВА

В нашей памяти на первом плане стоят две главные женские фигуры в жизни Федора Михайловича Достоевского — его жена Анна Григорьевна и его мучительница Аполлинария Суслова. Но была в его жизни еще одна женщина, о которой биографы Достоевского и исследователи его творчества пишут мало и неохотно — его первая жена Мария Дмитриевна, урожденная Констант, по первому мужу Исаева. В комментариях к роману «Преступление и наказание» значится, что черты М.Д. присутствуют в характере Екатерины Ивановны. Упоминают о ней и в комментариях к главе «Кроткая» в «Дневнике писателя» за ноябрь 1876 года.

Первый брак писателя не был кратким — все же семь лет, но русский образованный читатель почти ничего не знает о Марии Дмитриевне. Эти заметки в известной степени восполняют пробел.

Сужденный по делу Петрашевского к смертной казни — и помилованный уже на эшафоте — Достоевский отбыл четыре года каторги в Омском остроге. Его каторжный срок закончился в начале февраля 1854 года. Еще пять лет он отбывал солдатчину в Семипалатинске: рядовой 7-го линейного батальона, с ноября 1855 года унтер-офицер, наконец, прапорщик.

В Семипалатинске Достоевский начал «Записки из Мертвого дома» и закончил две повести: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». В 30-томном собрании сочинений Достоевского, в комментарии к повести «Дядюшкин сон» дано пояснение, что писатель здесь соотносит увлечение престарелого князя К. со своим «запоздалым романом» с М.Д. Исаевой. Вот уж никак не «запоздалый»! «Возраст к супружеству имеют совершенный — а именно: жених тридцати четырех лет, невеста двадцати девяти лет, и оба находятся в здравом уме» — такая положенная при вступлении в брак запись¹ появилась в церковной книге Одигитриевской церкви города Кузнецка, где 6 февраля 1857

года венчались Федор Михайлович и Мария Дмитриевна. Что же касается семипалатинских впечатлений, отразившихся в «Дядюшкином сне», то скорее можно предположить дамские пересуды, вызванные романом жены мелкого чиновника Исаева с петербургским писателем, одетым в солдатскую шинель.

Город Мордасов из «Дядюшкиного сна» — это, конечно же, Семипалатинск. С первых страниц повести среди памятных в Мордасове событий упоминается визит ученого немца. В Семипалатинске Достоевскому наверняка рассказывали, что там в 1829 году побывал Александр Гумбольдт.

«Город довольно большой и людный. Азиатов множество...» — пишет Достоевский брату М.М. Достоевскому сразу же по прибытии, 27 марта 1854 года. К тому времени торговый оборот Семипалатинска достиг миллиона рублей (тогда-них!), на гербе города были изображены золотой верблюд и мусульманский символ — полумесяц с пятиконечной звездой. Основанный в 1718 году при продвижении России в Азию как военная крепость возле развалин древних Семи палат, этот город стянул к себе караванные пути, по которым шел через казахскую степь в Центральную Азию русский товар, закупленный большей частью на Макарьевской и Ирбитской ярмарках. А главным предметом привоза был китайский чай — в России тогда отличали чай кяхтинского привоза (через знаменитую Кяхту) и семипалатинского. И город с золотым верблюдом на гербе имел облик русско-азиатский. Восточные купцы жили в своей Татарской слободе. Военному Семипалатинску принадлежала крепость. Казачий полк выстроил на берегу Иртыша свою станицу. А чиновничий, административный Семипалатинск был как две капли воды похож на провинциальный город где-нибудь в центре России, поскольку в Российской империи полагалось даже небольшие уездные города строить по утвержденным планам, с типовыми, как сказали бы в наше время, фасадами домов.

Мне почастливилось застать в 1960-х годах старый Семипалатинск: прямые, по линейке, улицы еще не все были заасфальтированы, но колдобин на них не было, только сплошной серый и мелкий

песок — недаром этот город называли Чертовой песочницей. Вот на такой улице я дошла мимо невзрачных, запыленных домов к ветхому крыльцу, к перекошенным наличникам, к лопнувшей наискосок мраморной доске, на которой было обозначено, что здесь жил Достоевский — золотыми, когда-то буквами, дореволюционными, ятами, напоминавшими мне, что после революции Достоевского в советской школе проходили и что на I съезде писателей Шкловский даже сказал, что Федора Михайловича надо было бы расстрелять — как контрреволюционера.

Конечно, Семипалатинск, Чертова песочница, был и назначен Достоевскому в мучение. А тут еще мучительный роман с замужней женщиной. Но кто знает, что значила в его семипалатинской жизни встреча с Марией Дмитриевной — усугубляя и без того тяжкую жизнь или спасала? По отзыву П.П. Семёнова-Тян-Шанского, побывавшего в Семипалатинске осенью 1856 года, Мария Дмитриевна была там «самой образованной» из всех дам. А Достоевский годы спустя напишет человеку, зневшему Марию Дмитриевну, — А.Е. Врангелю: «Мы были с ней положительно несчастны вместе». И он же сделает в 1870-х годах запись о Марии Дмитриевне «...была эта женщина души самой возвышенной и восторженной. С гордостью, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова — да! — и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок». И еще из его записей: «Она любила меня беспредельно. Я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо... Несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе, — по ее страстью, мнимому и болезненному характеру, — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу».

Известны письма Достоевского Дмитрию Степановичу Константу, отцу Марии Дмитриевны, служившему в Астрахани директором карантинного дома. В первом он пишет: «Бог исполнил наконец самое горячее желание мое, и я, два месяца назад, стал мужем вашей дочери» (из Семипалатинска, 20 апреля 1857 года). Год спустя Достоевский сообщает о предстоящем отъезде из Семипалатинска и о желании познакомиться лично (письмо от 15 марта 1858 года). У Дмитрия Степановича были еще три дочери: Варвара, Софья и Лидия. С Варварой Дмитриевной Достоевский переписывался и даже делился признани-

¹ В церковной записи допущена ошибка: в феврале 1857 года жениху было тридцать пять с небольшим — он родился в 1821 году, 30 октября старого стиля. — Авт.

Ф.М.Достоевский. 1860-е гг.

ями о своих неудачах в игре. Личное знакомство с Дмитрием Степановичем так и не состоялось.

П.П.Семенов-Тян-Шанский в воспоминаниях о Достоевском пишет о Марии Дмитриевне, что она закончила в Астрахани женскую гимназию. В томе 28, книге I уже упомянутого 30-томника помещена ее фотография. Красивая женщина, незаурядный характер. Она рассказывала — к месту и не к месту — о своем происхождении: романтические воспоминания о французском дворянине, вынужденном покинуть свою родину из-за революции и поселиться в России. Можно себе представить, как к этому относились семипалатинские дамы: не было никакого дворянина — обыкновенный солдат, попавший в плен при изгнании Наполеона из России. Вообще все высокие претензии Марии Дмитриевны — и ее образованность тоже — вовсе не вязались с ее положением в семипалатинском обществе. Пытливый муж, чудовищная бедность, жалкие попытки принарядиться самой, сшить своими руками костюмчики для сына. Муж, Александр Иванович Исаев, служил на семипалатинской таможне. В пору, когда Достоевский стал бывать в доме Исаевых, Александр Иванович уже окончательно опускался: потерял место, влез в долги, унизительно хлопотал о новой должности — хоть какой-нибудь, хоть где-то, не обязательно в Семипалатинске (центр Семипалатинской области, входившей в Западно-Сибирскую губернию, в котором служат высшие чины: военный губернатор, члены областного правления, областной прокурор...).

Бывая у Исаевых, Достоевский видел, какие страдания приносит Марии Дмитриевне Александр Иванович, и все же не написал о нем в письмах из Семипалатинска ни единого дурного слова, неизменно отзывался о нем суважением. Это был классический русский тип, известный нам по Достоевскому — человек униженный и оскорблений. Мармеладов в «Преступлении и наказании», штабс-капитан Снегирев, «мочалка» из романа «Братья Карамазовы». В этом романе, кстати, тоже есть семипалатинские впечатления Достоевского. Митя Карамазов служил прапорщиком в линейном батальоне, причем «как бы под надзором, как ссылочный какой-то». Офицер, что приехал к Грушеньке, был таможенником где-то на китайской границе. Купец, содержатель Грушеньки, носит фамилию Степанов — известная семипалатинская фамилия, крупнейший торговый дом.

Один из биографов Достоевского пишет — как о само собой разумеющемся, — что вчерашнего каторжника сблизило с Исаевыми схожее незавидное положение. Вряд ли это так. Не исключено, что семипалатинское дамское общество изумлялось и негодовало из-за того, что Достоевский не нашел никого лучше нелепой и вздорной Марии Дмитриевны. Мордасов, конечно, и есть Мордасов, со сплетнями и интригами. Но вспомним, что у Гоголя в «Ревизоре» Хлестаков обольщает жену и дочь городничего не чем-нибудь, а враньем о своей причастности к литературе — «с Пушкиным на дружеской ноге». А дочь городничего, оказывается, знает, что «Юрия Милославского» написал Загоскин. Добавлю, что в 1859 году (как раз, когда Достоевские уехали из Семипалатинска) Чернышевский, анализируя итоги подписки на журнал «Современник», упомянул, что Семипалатинская область получала семь экземпляров журнала, и из них три присыпались подписчикам в самом городе. Надо полагать, более популярную «Библиотеку для чтения» там тоже выписывали. Что же касается положения Достоевского в семипалатинском обществе, то мужская его часть сразу же отнеслась к вчерашнему каторжнику сочувственно. Он недолго прожил в солдатской казарме, ему позволили снять жилье — убогую комнаташку, но все же он смог там работать, писать. Своему батальонному командиру Достоевский вслух читал газеты, с адъютантом генерал-губернатора был в дружеских отношениях. Позже, получив офицерский чин, танцевал на балах, причем танцевал, по общему признанию, прекрасно. И конечно, на положении

М.Д.Исаева

Достоевского в обществе оказались его дружественные отношения с А.Е.Врангелем, занимавшим важную должность областного прокурора (впоследствии он напишет «Воспоминания о Достоевском в Сибири 1864—1856 гг.»). Словом, хотя и в солдатской шинели, а мог бы завести более удачный роман. Тем более после отъезда Исаевых в Кузнецк — Александру Ивановичу дали наконец место, но в пятистах верстах от Семипалатинска.

«Сцену разлуки я никогда не забуду, — вспоминал Врангель. — Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок... Мы поехали провожать Исаевых, выехали поздно вечером, чудно майской ночью». По описанию Врангеля, Исаев, как всегда пьяный, заснул, и Достоевский мог обняться на прощание с Марией Дмитриевной. Звон колокольчиков удаляется, а Достоевский «все стоит как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам».

4 июня 1855 года Достоевский пишет ответ на посланное с дороги письмо Марии Дмитриевны. «На наше знакомство я никогда не смотрел как на обычное, а теперь, лишившись вас, о многом догадался по опыту. Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же приняли меня как родного. Я припоминаю, что я у вас был как у себя дома. Александр Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я вам моим тяжелым характером, а вы оба любили меня. Ведь я это понимаю и чувствую, ведь не без сердца же я. Вы же удивительная женщина,

сердце удивительной, младенческой доброты, вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни». И дальше в этом письме: «Если б вас не было, я бы, может быть, одеревенел окончательно, а теперь я опять человек». В конце письма: «Прощайте, прощайте! Неужели не увидимся? Ваш Достоевский».

Письмо замужней женщине, которое прочтет и муж — в нем нет и малого намека на какие-либо более близкие отношения.

Александр Иванович Исаев умер 4 августа 1855 года, и Мария Дмитриевна осталась одна среди чужих людей, без копейки денег и с ребенком на руках. Достоевский получил от нее два отчаянных письма, он сообщал о них Врангелю с просьбой о немедленной пересылке денег. Тогдашние ее письма сохранились, в отличие от последующих из переписки Достоевского с первой женой. Что ж, ведь хранительницей эпистолярного наследия писателя была Анна Григорьевна...

Через полгода после смерти Исаева Достоевский в письме брату М.М.Достоевскому от 13 января 1856 года сообщает об Александре Ивановиче как о натуре «сильно развитой, добрейшей», человеке образованном и благородном, вынесшем от семипалатинского общества незаслуженные преследования. «Но не он привлекал меня к себе, а жена его, Марья Дмитриевна. Это дама еще молодая, 28 лет, хорошенская, очень образованная, очень умная, мила, грациозна, с превосходным, великолдушиным сердцем». Дальше Достоевский пишет, что свою часть она «перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатительна и раздражительна. Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома». И дальше в письме рассказано об отъезде Исаевых, смерти Александра Ивановича, а также о семействе Констант, отце и сестрах. И наконец о главном: «Теперь вот что, мой друг: я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет».

Но при всем благожелательном отношении семипалатинского военного начальства к Достоевскому, который уже не солдат, а унтер-офицер, отпустить его в Кузнецк началь-

ство не может, не имеет права. Тем временем в Кузнецке добросердечные кумушки слушают рассказы Марии Дмитриевны о ее французском предке, об отце, занимающем в Астрахани высокую должность... Слушают и, конечно, не верят, и решают промеж собой, что ничего больше не остается, как выдать эту несчастную замуж. Нашелся и кандидат в мужья — местный учитель Николай Борисович Вергунов, молодой человек двадцати четырех лет, который и сам еле сводит концы с концами.

Узнав о сватовстве, Достоевский готов был пойти под суд, но увидеться с Марией Дмитриевной. В июне 1856 года ему удается получить командировку для лечения в Барнаул, и он ухитряется, хотя и не по пути, заехать на два дня в Кузнецк. Происходит бурная сцена. Мария Дмитриевна говорит, что любит Вергунова, и просит Достоевского, чтобы он сам объяснился с ее женихом. При встрече Вергунов рыдает и молит не мешать его счастью. Достоевский в дурацком положении. Он уезжает. Мария Дмитриевна пишет ему в Семипалатинск о страданиях Вергунова, который наложит на себя руки, если она не пойдет за него замуж. Достоевский вынужден вступить в переписку с этим молодым человеком. Вергунов разъясняет ему, что Марии Дмитриевне более подходит молодой муж, чем брак «с вами, тридцатипятилетним пожилым человеком, у которого все уже позади, уже отличившимся, не в хорошем, а в плохом смысле, и тем самым закрывшим себе все пути». Одновременно приходят письма от Марии Дмитриевны: она еще ничего не решила окончательно, но, кажется, больше любит Вергунова. Ну, а Достоевский начинает хлопотать перед Врангелем, уже живущим в Петербурге, нельзя ли пристроить Вергунова на какое-нибудь место: «У него ничего нет, у нее тоже... За что же она, бедная, будет страдать?»

Врангель из Петербурга посыпал деньги Марии Дмитриевне — так, чтобы она не знала — от кого, писал ей сердечные письма, хлопотал об устройстве сына в кадетский корпус... Потом он напишет в своих воспоминаниях о Достоевском: «...нельзя не преклониться перед благородством его души: забывая о себе, он отдавал себя всецело заботам о счастьи и спокойствии Исаевой...»

Для понимания, что за человек была Мария Дмитриевна, очень многое говорит эта драма, ее сочиненная.

Достоевский женился на Марии Дмитриевне уже будучи офицером, пусть всего лишь прапорщиком. И ему было возвращено дворянское звание. Конечно, и эти об-

стоятельства могли повлиять на Марию Дмитриевну — как и его литературные планы, для осуществления которых он должен вернуться в Петербург.

В январе 1858 года прапорщики подал прошение об отставке по болезни. В Семипалатинске с ним стали случаться припадки эпилепсии поначалу напугавшие Марию Дмитриевну. В отставку его уволили, но разрешения вернуться в Петербургскую или Московскую губернию не дали. Поселились молодожены в Твери. Достоевский занимался своими литературными делами, хлопотами о дозволении жить в столице, а Мария Дмитриевна затосковала в чужом незнакомом городе. И как ей не затосковать, если муж благосклонно принял Тверским губернатором, обещающим посодействовать с переездом в Петербург, а ей не в чем делать визиты, завязывать знакомства — да и невозможно принимать гостей в безобразно бедных комнатах. К тому же надо куда-то устраивать сына Павлика, недолго поучившегося в Омском кадетском корпусе.

В письмах Достоевского из Твери брату в Петербург — не только поручения по устройству рукописей в литературные журналы. «Теперь еще просьба, и великая: у жены нет никакой шляпки... В здешних магазинах нет ничего... Шляпка должна быть серенькая или сиреневая, расходящая в полном смысле слова...» И дальше в этом письме — все детали, все подробности, какие нужны полоски и ленты. Чувствуется, что жена стоит за его спиной. Или диктует, лежа в постели. В Твери Мария Дмитриевна стала часто прихварывать, кашлять. А Достоевскому так нужна была тогда ее поддержка, ее терпение, ее вера в его талант. Нервы Достоевского напряжены, в Семипалатинске ему представлялось возвращение в литературу более скрым и успешным, а тут журналы тянут с ответом. «Тверь хуже Семипалатинска», — пишет он Врангелю 22 сентября 1859 года. И Врангель потом в своих воспоминаниях поведал, что Достоевский, как ни странно, всегда вспоминал по-доброму об этом ужасном Семипалатинске. Но, может быть, тому причиной было и то, что у него и у Марии Дмитриевны там были счастливые дни.

В декабре 1859 года они переехали в Петербург. Достоевский возобновляет литературные знакомства, готовится издавать вместе с братом журнал «Время». Для него начинаются годы изнурительного труда. О жизни Марии Дмитриевны в Петербурге мало что известно. Только о ее долгой болезни, при которой вре-

ден петербургский климат. Достоевский отправляет жену то в Москву, то во Владимир. Немало неприятностей доставляет ему Паша Исаев: не хочет учиться, не считается с болезнью матери. В 1861 году они скромно отметили сорокалетие Федора Михайловича приглашены были только А.Н.Майков с женой и Н.Н.Страхов. Достоевскому уже ясно, что никакой семьи, дома у него нет...

Летом 1862 года он уезжает за границу. Мария Дмитриевна с ним не едет — нет денег, да и Паша готовится к поступлению в гимназию. Сохранилось его письмо из Парижа Варваре Дмитриевне, в нем говорится о письме, полученном от Марии Дмитриевны но оно не сохранилось. В дальнейшем все его семейные дела проходят через переписку с Варварой Дмитриевной Констант — и тон в них доверительный. 19 ноября 1863 года он пишет ей из Москвы, просит присмотреть за Пашей. «Мария Дмитриевна, кажется, в Москве поправится». На обороте приписка: «Варя, поторопись заказать в Рижском магазине белый платок вязаный...» Рука Марии Дмитриевны, ее подпись. Знала ли она об Аполлинарии Сусловой, первая встреча с которой произошла у Достоевского в Париже, в августе 1863 года?

Литературные дела требуют присутствия Достоевского в Петербурге, но он остается в Москве. К больной матери приезжает в январе Паша, но приходится поскорее отправить его обратно в Петербург: «Он был довольно несносен Марии Дмитриевне», — пишет Достоевский все той же Варваре Дмитриевне. В марте она приедет и будет ухаживать за умирающей сестрой. «Мария Дмитриевна очень слаба: вряд ли доживет до Пасхи» — из письма брату 20 марта 1864 года. Ему же 26 марта — Мария Дмитриевна не хочет видеть сына: «Чахоточную и обвинять нельзя в ее расположении духа». И дальние просьбы: как умрет Мария Дмитриевна, надо срочно отправлять в Москву Пашу, купив ему соответствующую одежду, а то он наряжен во все цветное... Достоевский и потом, всю жизнь, будет заботиться о своем неблагодарном пасынке.

Мария Дмитриевна скончалась 15 апреля 1864 года в Москве. Достоевский не отходил от нее все последние месяцы ее жизни, дни и часы. «Маша лежит на столе. Увижу ли с Машей?» — запись в его рабочей тетради 16 апреля.

15 апреля он писал брату: «Сейчас, в 7 часов вечера, скончалась Мария Дмитриевна и всем вам приказала долго и счастливо жить (ее слова). Помяните ее добрым словом. Она столько выстрадала теперь, что я не знаю, кто бы мог не примириться с ней».